Грибоедовская Москва

ОТЕЧЕСТВО, сродство и дом мой в Москве», — писал однажды Грибоедов. Здесь жили его родичи, близкие и дальние, в том числе и дядя Алексей Федорович, вероятный прототип Фамусова. Здесь протекала юность писателя, здесь он прошел науки трех факультетов, готовясь к получению «чины доктора» наук, и здесь впервые ощутил призвание к драматургии, играя мольеровского Альцеста в любительских спектаклях.

Неслучайно шедевр Грибоедова «Горе от ума» посвящен Москве. Эту «дистанцию огромного размера» Грибоедов знал «вдоль и поперек», начиная с ее салонов и бальных залов и кончая ее аудиториями, клубами и запутанными переулками, среди которых был и «Грибоедовский». Когда «Горе от ума» появилось впервые в списках, все «старички», все московские «княгини Марьи Алексевны» дружно завопили: «Запретить! Это пасквиль на Москву!» Но было уже поздно. Тысячи рукописных экземпляров с полным текстом комедии «разлетелись» по всей стране. Запрещенное слово Грибоедова о Москве прозвучало не только как осуждение косности и невежества, но и как предвестие новых веяний и призыв о любви к родине. Монологи Чацкого были одновременно и речами декабристов. Грибоедов негодовал потому, что любил. Вот почему первым горячо отозвался в печати о комедии такой москвич, как Н. Полевой — представитель новой, разночинной Москвы, редактор и издатель лучшего тогда журнала «Московский телеграф».

Два века, два поколения, две Москвы отражены и воплощены в ко-

медии: «допожарная» Москва и та новая, быстро восстановившая свои «хоромы» после нашествия Наполеона, о которой Скалозуб говорит: «Пожар способствовал ей много к украшению».

Допожарная Москва — город отставных сановников и ушедших на покой екатерининских вельмож, город самовластных богатых старух представлен в «Горе от ума» не только князем Тугоуховским и Хлестовой, но и теми «старичками... — прямыми канцлерами в отставке по уму», Татьянами Юрьевнами и Лукерьями Алексевнами, годными «присутствовать» в сенате, о которых Фамусов с таким восторгом рассказывает Чацкому. Тут и знаменитый дядя Фамусова Максим Петрович, который «в чины выводит» и «пенсии дает», и многие другие.

Сохранился еще тот дом на Пушкинской площади, против бывшего Страстного монастыря, в котором жила известная Марья Ивановна Римская-Корсакова. В этом доме можно было встретить всех действующих лиц «Горе от ума», начиная с горничной Дуняшки, крепостной, каждую мигуту могущей быть высеченной и усланной на птичий двор, и кончая дочерью Софьей, которая писала своему брату Грише: «Избегай всего, что может возбудить неудовольствие твоих начальников. Пусть они даже истуканы — это все равно».

Грибоедов с детства знал всю семью Римских-Корсаковых, и еще при его жизни в 1828 году сын Марья Ивановны — Сергей женился на его кузине — Софье Алексеевне

Грибоедовой. По устному преданию, действие «Горе от ума» разворачивалось именно в доме Римской-Корсаковой.

Здесь можно было встретить и знаменитую Настасью Дмитриевну Офросимову, описанную до Грибоедова Расточинным в комедии «Вести или живой покойник» под фамилией Набатовой, и после Грибоедова Л. Н. Толстым в «Войне и мире» под именем Марьи Дмитриевны Ахросимовой. В Анфисе Ниловне Хлестовой Грибоедов запечатлел не только характер этой «грозной» старухи, но и тот страх и трепет, которые испытывали все московские девицы и каналеры от одного ее властного взора. Это она однажды в церкви послала дьячка к незнакомой даме, которая крестилась в перчатке, громко отдавая ему приказание: «Скажи ей, чтобы сняла собачью шкуру». Не боится ее один лишь Чацкий, которого она все же в детстве, по ее словам, «за уши дирала, только мало».

И еще много образов старой барской Москвы возникает перед глазами зрителей при звуках негодующих и страстных монологов Чацкого, не знающего «куда деваться от княжон!» и призывающего к истреблению духа «пустого, рабского, слепого подражания».

В лице Чацкого в комедии отображена другая, вольнолюбивая, молодая литературная и университетская Москва, город Карамзина, Пушкина, Жуковского, город, в котором уже в 1803 году университет устраивал публичные лекции. На эти лекции приходили и приезжали люди всех сословий от «благородных дам» до купцов, разночинцев, семинаристов и проч. Здесь же в университете и пансионе при нем, в котором учился Грибоедов, устраивались студенческие спектакли под руководством проф. Страхова и из-

вестного артиста Н. Н. Сандукова. В то время как в Петербурге еще наслаждались классической трагедией, в Москве уже главенствовали мещанская драма и школа простой и естественной игры. «Вестник Европы» Жуковского и «Журнал изящных искусств» проф. Буле были одними из лучших русских изданий.

Москва давно уже, по выражению Карамзина, была «республикой», и в ней чтились вольнолюбивые заветы Новикова и его друзей, дух оппозиции был в ней всегда силен. Не зря в Петербург писали агенты полиции из Москвы: «Либеральная партия здесь сильна и проникнута дурным духом». За этой «партией», навострив уши, следил Загорецкий, который «переносит горазд», и около нее вертится Репетилов, который по четвергам посещает «тайные собрания», где есть «горячих дюжина голов». Чацкий с презрением слушает его болтовню («Шумите вы? И только?», потому что он знает в Москве тех людей, в кругу которых действительно зреет «государственное дело». Это — декабристы.

Хотя главный штаб декабристов был в Петербурге, все же в Москве, именно в те годы, к которым относится действие комедии, были очень сильны декабристские настроения. Из пяти декабристов, казненных в 1826 году, — четверо москвичи, кто по воспитанию, кто по рождению. В Москве был преобразован Союз спасения в Союз благоденствия в 1817—1818 гг. Даже после переезда главного правления этого союза в Петербург в Москве осталось около 90 членов его, в том числе М. А. Фонвизин, А. Муравьев, Ф. П. Шаховской и другие. В 1823 году В. К. Кюхельбекер поселился в Москве и вместе с В. Ф. Одоевским издавал «Мнемозину».

Это — друзья Грибоедова, который уже в Московском университетском пансионе и в самом университете встречался с такими декабристами, как Каховской, Якубович, Никита Муравьев. К ним примыкало все честное и благородное, все независимое и стремящееся к благу родины, все те, кто, по словам Чацкого, не торопится «впиться в полк шутов» и кто к науке устремляет «ум алчущий познаний». Это о них фамусовцы в Москве кричали: «Разбой! Пожар!», и это их объявляют княгinya и графиня в комедии «якобинцами» и «окаянными вольтерьянцами». Столкновение между этими двумя поколениями, двумя культурами, двумя устремлениями было неизбежно, и в «Горе от ума» оно изображено с удивительной силой и яркостью.

Пусть Чацкий бежит из Москвы объявленный сумасшедшим. Он вскоре вернется победителем. Барская Москва быстро умирала, и уже в 1833—1835 гг. Пушкин писал: «Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Барский дом дряхлеет... Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, ни Татьяны Юрьевны... Хлестова в могиле; Репетилов в деревне... Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова».

Исчезли Фамусовы и Хлестовы, но бессмертны Грибоедов и его Чацкий. Они проложили путь для всех тех, кто, по словам И. А. Гончарова, появляется «на очередной смене эпох и поколений, в борьбах за идею, за дело, за правду».

Ф. Прокофьев.

ВЕЧЕРНАЯ МОСКВА

9 ЯНВ. 1945